

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

Галина Шапошникова

Тропы длинные и короткие

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

ГЛАВА 1

Папаша-волк учил прятаться в тени. Ночью это особенно легко — нужно только оттянуть темноту за ворот, подобраться да скользнуть по земле подальше от костра.

«На таких раньше волкам хвосты подпаливали», — подумалось горько, но делать нечего — конь сам себя не украдёт.

И скакун в самом деле был хорош. Едва покачивая головой во сне после долгой дороги, он склонился к земле — пара травинок прилипла к губам и дрожала от глубокого дыхания. Тёмно-бурый бок, прямо как шкура медведя, в рассеянном свете костра казался чёрным, только бляхи седла и стремян отливали медью.

И вор почти попался. Поднялся ветер, и от холода задвигался уснувший на подстилке хозяин коня.

«Боже мой...» — успел подумать Гий, прежде чем снова замер в темноте. Пока молодец сквозь

сон устраивался поудобнее, он подумал, можно ли просить у Господа удачи в разбое, но ответ всё время ускользал.

Тех одежд, в которые заворачивался неудачливый всадник, Гий никогда не носил. Толстая ткань с вышивкой, две рубахи и ещё столько же, должно быть, в суме. Но всё это лежало у головы, и подобраться ближе было бы совсем опасно. Обойдёмся конём.

Когда Гий почти вплотную подошёл к скакуну, тот медленно открыл пухлые веки и блестящими глазами посмотрел на разбойника. Хвост опасно ударил по бокам, хоть комарья и не было, и словно по просьбе на вытянутой руке закрутилась сладкая лесная ранетка. Конь громко захрустел, такая взятка была ему по вкусу, — какая разница, кого везти?

За удила Гий потянул его за собой. Мягкая земля проглатывала стук подков. Хозяин даже не потрудился снять с копытного друга всю эту медь и кожаные ремни — слишком устал после дороги. Напав на след богатого простака, несколько часов до ночи Гий шёл следом по спрятанной тропинке. Молодец вёл коня медленно, точно сомневался, что идёт по верному пути, и разбойнику это было только на руку.

Свет костра был всё дальше и дальше. Гий не рисковал пробежаться рысцей — слишком звонкая была узда, но с каждым шагом дыша-

лось легче, казалось, что и половинчатый осколок луны подмигивает наверху, и Гий усмехнулся.

Стало совсем темно. Если в самом деле хочешь скрыться без следа, лучше прямо сейчас запрыгнуть на коня и пуститься вскачь.

— Ну ладно, — сказал Гий, хватаясь за седло, — посмотрим, так ли ты хорош, как твой хозяин.

Ещё мгновение скакун привыкал к чужому весу, переступал из стороны в сторону, но Гий пяткой направил его вперёд, подчиняя. Вверх взметнулась коротко стриженная грива, послышалось сердитое пыхтение, и недовольное животное закружило разбойника.

— Да всё, да ладно тебе! — шикнул Гий, натягивая поводья. — Я тебе сколько хочешь ранеток собираю, не капризничай!

Конь поборолся ещё немного, а потом рысцой двинулся по сухой дороге. Гий мысленно поблагодарил папашу за подсказки верховой езды, пускай и редкие, и понадеялся, что стук подков не разбудит того боярина.

— Сразу бы так, — довольно сказал он, прижимая голову к груди от свистящего ветра, когда вокруг замелькали деревья. Но ради чистой совести надо было признать — Гий ни за что бы не хотел проснуться этим утром на месте обворованного боярина.

Гостевой дом на перекрёстке никогда не спал. Свет лился из окон, дымила труба печи. У ворот звучал свист, громкий разговор вперемешку со смехом. Будь Гий уважаемым человеком, никогда бы в таком месте не остановился, но сейчас гостинка с сомнительного рода гостями казалась самым весёлым и вольным местом.

Гий уселся за тяжёлый стол у самого окна, один бок в серой косоворотке грел огонь, а другой охлаждал ветер из раскрытых ставен, гонящий пыль с запада. Заношенная куртка из кожи лесного зверя прогревалась у очага — на середине пути разбойника застал мелкий дождь.

«Надеюсь, до того бедолаги туча не дошла».

Гий пил из чарки горячий отвар, чтобы отогреть кости, и не было уверенности, что радушный хозяин гостевого дома не намешал в него чего покрепче, догадываясь об удаче нового постояльца.

Даже если бы этот мужчина потребовал платы после сытного ужина и веселящего питья, Гию было чем платить — в суме на боку коня, которую в ночи не заметить, вор нашёл несколько монет, мешочек соли и платок.

Когда угар после удачной проделки прошёл, юный разбойник посмотрел через окно на тёмно-синее небо. Найденных монет было достаточно, чтобы не продавать коня тут же, где полно желающих приобрести безделицу-другую, не вда-

ваясь в перипетии законности. Появилась мысль вовсе оставить такого красавца себе, а оставшиеся деньги отдать папаше. В семье не было привычки хранить добро по сундукам, была уверенность, что при первой же возможности всё богатство уйдёт на вещь более полезную, чем серебро — прочный нож, сапоги потеплее или славный котелок для общего на всё племя варева.

Гий чуть улыбнулся, представляя вкус варёного с дикой картошкой мяса и похвалу отца, когда услышал на улице заглушённое ржание. Веселье тут же спало, и он прищурился. Звук слышал только он, другие гости весело сидели за едой и горилкой и шумели, обмениваясь новостями и выдуманскими историями о лихих делах.

Не дожидаясь новых звуков, Гий наскоро проверил вещи в карманах, натянул высохшую куртку и спрыгнул во двор прямо из раскрытого окна.

Во дворе было тихо и прохладно. Едва поведя головой на новый звук — грозный шёпот и ругательство, Гий припал к земле и двинулся глубже, в то место, где стояла конюшня.

Выглядывая из-за угла гостевого дома, он увидел, как два мужика, вширь занимавшие гораздо больше места, чем в длину, тянут за поводья уже его коня.

— Ну нет... — со злостью выдохнул Гий. Он едва усмехнулся, но в тёмных глазах не было

и капли веселья, маленький клычок, которым разбойник так гордился в детстве, вонзился в губу.

— Господа хорошие, — в наигранном радушии прозвучал его голос, когда Гий вышел из оберегающей темноты в бледный свет, льющийся из гостевого дома, — вы пришли взглянуть на моего коня. Он славен, правда?

Злая улыбка всего на мгновение ушла с лица. «Нет, всё-таки правда чего-то намешали», — решил Гий, чувствуя, как голову чуть закружило.

— Разглядеть пожаловали?

Мужики не смутились, только перекинулись парой жестов, и чутьё подсказало, что самое время незаметно проверить нож за пазухой и напрячь плечо для первого удара.

— А то, — наконец сказал один из мужиков. У него были чёрные усы с редким волосом и влажные от слюны губы. — Мы с братом решили обскакать.

Второй из них улыбнулся. Руку он держал в кармане.

«Сжал в кулаке камень, чтобы удар вышел посильнее», — догадался Гий.

— Едва ли. Моему скакуну нужно отдохнуть. Завтра мы продолжим путь.

Молодой разбойник продолжал улыбаться. Старший мужик, казалось, принял его игру и растянул губы в оскале сам.

— Едва ли, — протянул он, передразнивая

глухой голос Гия, — мы пустимся в дорогу прямо сейчас.

Второй брат, до этого молчавший, шагнул первым. В его руке, высунувшейся из кармана, в самом деле блеснуло что-то тяжёлое, железное. Гий увернулся от удара, провожая неудачливого драчуна взглядом — крепкий кулак потянул хозяина к земле, и здоровяк упал на колени.

— Споткнулись? — участливо спросил молодой разбойник, но новое ржание коня заставило обернуться.

Старший брат налетел сбоку, метя в ребро. Гий шагнул в сторону, но костяшки всё равно полоснули по поясу. Мужик тут же выпрямился, смешно расставив ноги, но в бой кинулся не он, а поднявшийся с земли братец.

Гий присел к земле, единожды ударил в живот и тут же пожалел об этом — удар вышел не такой сильный, сказалась плывущая от хмеля голова, и противник только раззадорился.

Из кармана разбойник достал мешочек и, бросая его в воздухе, вытянул бечёвку. Соль тут же песком рассыпалась в воздух, как брызги воды, и ослепила здоровяка.

— Вам бы в витязи, а не краденое переворачивать, — сказал Гий и пожалел об этом.

Мужик с гусеницей вместо усов оттолкнул визжащего брата, старающегося выскрести из глаз крошки соли к чёртовой матери, и уда-

рил Гия в грудь. После сказанных слов дыхания не осталось, и вор согнулся. Его тут же подсекли, и новый удар пришёлся о влажную после короткого дождя землю.

Сил увернуться или подняться на ноги не осталось. Голова закружилась сильнее, братьев стало не двое, а четверо. Гий зажмурился, с опозданием вспомнив про нож, но руку его тут же прижали широкой ступнёй.

— Нет, парень, всё-таки едем, — услышал Гий откуда-то сверху. Голос смешался со всхлипами младшего брата, ещё не успевшего протереть глаза.

Последний удар пришёлся в затылок, и конь, уводимый новыми ворами, капризно заржал.

ГЛАВА 2

Пирожки дымились на подоконнике, солнечный свет скользил по кухне, Желя мысленно кляла всё живое.

Бабушка, живущая в другой деревне, — туда вела заросшая тропинка через лес, прямо, прямо, немного восточнее и переправа через ручей, — ждала её ещё вчера, но в последнюю минуту перед уходом понадобилась помощь по дому. Младший брат слишком раскапризничался, ужин сам по себе не готовился, да матушка вдруг переменяла своё решение и не пустила Желю.

— Ты же не будешь дуться весь день? — спросила она наутро. Её старшая дочь ответила, что нет, и мысленно исправилась — да.

В эту деревню они перебрались лишь несколько лет назад, когда мама во второй раз вышла замуж и уехала к мужу. Была бы воля Жели, осталась бы с бабушкой, но тут великая воля родительницы, пусть и мягкой по характеру,

не позволила кровинушке остаться где-то на другой стороне леса.

Не стоит говорить, что новый отец был плох, просто с появлением брата стало слишком шумно и суетно, и Желе каждый день хотелось убежать хоть куда-нибудь — собирать грибы, помочь местным старикам по деревне, занять малышню во дворах.

Прощаясь, бабушка подарила Желе красную косынку.

— Твои белёные волосы совсем выгорят, — сказала она, — а этот платок я носила ещё по молодости, мне такое яркое уже не по возрасту.

И Желя стала носить. Каждый день подвязывала косу по-разному, и подарок до сих пор не надоел. Даже наоборот, казалось, что цвет лица теперь не такой серый, и сразу брови как-то завиднелись...

Неспособная сама себя обмануть, Желя вздохнула — никакая красная тряпка не сделает её румянее.

— Но сегодня-то я могу идти?

Мама мягко поджала губы, изображая строгость, и вытерла руки, перепачканные в муке.

— А у меня выйдет тебя остановить?

Когда в люльке завертелся младший брат, Желя подошла первой. Теперь младенец выглядел хорошо — пухлый, кругленький. В день его

рождения она едва-едва остановила себя от резкого замечания, что он похож на варёную гусеницу, и была благодарна себе за благоразумие.

— Ты ведь справишься здесь? — спросила она. Младший не хныкал и почти не капризничал, но, глядя, как этот комок пытался ухватить края люльки и вертел глазами, казалось, что вот именно с ним что-то случится обязательно.

— Справлюсь. За бабушкой в самом деле стоит приглядеть. Когда я ходила к ней последний раз, она была слаба, но при мне храбрилась. Её по-хорошему сюда перевезти...

— Я бы посмотрела, как ты пытаешься силой уволочь её через лес, — улыбнулась Желя. Брат в люльке подумал, что это она ему, и растянул беззубый рот.

Мама закатила глаза.

— На то это твоя бабушка.

Отец уже ушёл, и Желя, подхватив корзину с гостинцем — пирожки и горшочек масла, — покинула дом, не попрощавшись. Если она дойдёт до соседней деревни к вечеру, то заночует там же, у бабушки. У неё дома всегда пахнет чем-то горьким, но приятным, там гораздо меньше народу и выход к реке, как казалось ещё маленькой Желе, был чище.

Но и поселение, где она жила с новым отцом и матерью, с его извилистыми дорожками, тонкими бесплодными яблонями, крапивой,